

МОНОЛОГИ, ДИАЛОГИ, ДИСКУССИИ

УДК 316.77

DOI: 10.17223/1998863X/38/31

В.И. Красиков

ДОМИНАНТНАЯ ГРУППА В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ ФИЛОСОФСКОМ СООБЩЕСТВЕ¹

Предмет исследования – генезис, основные вехи становления групп эпистемологической и сциентистской ориентации в России начала XXI века, выявление их концептуальных позиций посредством анализа фокусных дискуссий, состоявшихся на страницах ведущих философских журналов. Автор рассматривает историко-философские основания этих новых складывающихся традиций, их представленность в институтах и особенности теоретических платформ.

Ключевые слова: эпистемологи, философы науки, аналитические философы.

Любое профессиональное философское сообщество – в той или иной развитой культуре – имеет сформировавшееся при его возникновении общее поле интеллектуального внимания и ряд соперничающих между собой групп интеллектуалов, объединяемых внутри групп относительно близкими взглядами [1]. Это – норма и свидетельство относительной развитости духовной жизни в стране и, в частности, в ее философском секторе. В настоящее время в этом секторе российской духовной жизни наблюдается присутствие нескольких групп, которых можно обозначить условно как «неомарксисты», «философы мышления и языка», «традиционалисты», и та группа, рассмотрение внутренней динамики которой и составит содержание этой статьи.

Представители наиболее влиятельной и сильной сейчас группы в сообществе отечественных Любомудров – *конstellация приверженцев эпистемологии, философии науки и аналитической философии*. По-другому ее можно обозначить как «научно-философскую позицию ... где главным источником философских суждений являются достоверные научные истины. К ней примыкает аналитическая традиция, опирающаяся не на научные данные, а на логический анализ высказываний. Общим является характер обоснования, который должен быть ясным и логически выверенным» [2. С. 104].

Эта группа устанавливает свою преемственность от «носеологов» конца 70-х – середины 80-х гг. прошлого века в советской философии, к которым тогда относились Н.С. Автономова, И.С. Алексеев, В.А. Бажанов, В.Н. Борисов, Е.К. Быстрицкий, А.С. Кармин, М.С. Козлова, С.Б. Крымский, В.А. Лекторский, Л.А. Микешина, А.П. Огурцов, Б.И. Пружинин, К.А. Свасьян, Г.Л. Тульчинский, М.А. Розов, В.П. Филатов, Э.М. Чудинов, В.Г. Швырев, Ю.А. Шрейдер, Э.Г. и Б.Г. Юдины и др. [3. С. 63]

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-03-00087.

Она оформляется в нынешнем ее виде в конце перестройки, в условиях «деидеологизации» российской философии. В то время заниматься гносеологическими и методологическими вопросами, решать междисциплинарные проблемы, разрабатывая категориальный инструментарий для естествознания стало синонимом реального дела в философии. Тем более что именно в отечественной гносеологии и методологии, хотя в целом и марксистско-материалистического толка, были созданы и серьезные работы, и целые школы (П. Копнина, А. Зиновьева, Г. Щедровицкого, В. Смирнова, В. Лекторского, В. Степина, Д. Горского, И. Блауберга – В. Садовского, В. Штофа, М. Розова и др.)

Не в пример «диалектическим материалистам», заключенным в формат канонических категорий диалектики и материализма, гносеологи и эпистемологи в советской философии имели широкое поле для маневра, так как классики не удосужились оставить сколько-нибудь внятных разработок по процессу познания и статусу знания. Ведь в сравнении с метафизическими спекуляциями гносеология требует ясно мыслимых и, что важнее всего, верифицируемых гипотез. Наблюдалось также серьезное влияние на формирующееся в 70–80-е гг. отечественное науковедение неопозитивистской, постпозитивистской традиций и аналитической философии, которым позволялось проникать к нам в силу их идеологической безобидности.

Истоки влияния группы эпистемологов – контроль над важными государственными философскими институтами, а также поддержка ученых-естествоиспытателей. Лидеров группы знают не только в естественно-научных сообществах, их труды также хорошо известны и рядовым философам-преподавателям – «пролетариям умственного труда» провинциальных и столичных вузов. Можно сказать, что на сей день это «верхи» казенной институциональной философии в России, если позволительно ее так называть. Именно они определяют, что изучать в вузах и что почитать за «серьезную философию» в отличие от всяких там постмодернистов.

Исходное единство стало возможным благодаря общности познавательной тематики и сциентизму, а также противостоянию другим, совершенно неприемлемым позициям. Объединяющим началом является признание сердцевиной теоретической философии исследований в области эпистемологии, а их основными регулятивами – методологическую рефлексию и рационально-критическую установку [4].

Эмоционально их сплачивает своего рода «гносеологический мессианизм», полагающий, что «эпистемологи синтезируют современные философские подходы со всем интеллектуальным богатством культуры ... помогают культивировать рациональное мышление, будят творческие интенции, наконец ...берут на себя ответственность за судьбу философии в целом» (курсив автора цитаты. – В. К.) [5. С. 95].

Организационное оформление группы произошло в Институте философии РАН, первоначально на ежемесячном семинаре по эпистемологии (с 2002 г.), затем – вокруг журнала «Эпистемология и философия науки» (с 2004 г.). Организаторами семинара были проф. Д. Дубровский и член-корр. РАН И. Касавин. Помимо формальных лидеров группы, сюда часто наведывались Р. Апресян, В. Аршинов, Л. Баженов, Л. Буева, И. Герасимова,

В. Казютинский, Г. Левин, В. Лекторский, Е. Мамчур, Л. Маркова, И. Меркулов, Л. Микешина, А. Никифоров, В. Порус, Б. Пружинин, В. Розин, М. Розов, Ю. Сачков, В. Самохвалова, Г. Сорина, В. Степин, В. Филатов, Н. Юлина, В. Яковлев и др.

Однако подлинным «организатором и агитатором» стал, конечно же, журнал. Устные выступления, аргументы и дискуссии быстро забываются, но то, что зафиксировано в печатном (сейчас и в электронном) тексте, остается надолго, в потенции – навечно, если это кому-то впоследствии будет интересно в представимом будущем.

Начиная с первого номера, в течение последнего десятилетия, с завидным постоянством воспроизводятся и обновляются на страницах рубрики «Панельная дискуссия» стержневые темы фокусных для данной группы споров: истина, объективность, субъект, объект, релятивизм. Их регулярные, довольно эмоциональные обсуждения выявляют наличие серьезных разногласий между двумя, пока еще составными, частями общей эпистемологической коалиции, которые условно можно назвать «реализмом» и «конструктивизмом».

Позиция «реализма», или, можно сказать, «традиционалистского рационализма», образуется, во-первых, *противостоянием* «непомерному распространению в современной культуротворческой деятельности тенденций иррационализма, скепсиса, деструктивности, эстетизации абсурда» [6. С. 81].

Второй объединяющий фактор, – это *полемика* с релятивистами в своих рядах – с «рискованными культурологическими подходами (вроде этнометодологии)» [7. С. 65], социологией науки, психолингвистическими изысканиями в эпистемологии и философии науки, которые оцениваются как «схоластические» и «бесплодные» [8. С. 73]. Часто оппонентам приписываются шаржированные мнения.

В-третьих, «реализм» мотивируем *защитой* ценностей классического рационализма: объективности познания и истины как его цели. Науке просто необходимо быть уверенной в том, что «мы имеем дело с миром, существующим независимо от нашего познания и сознания, и что именно характеристики этого мира мы в принципе (хотя и не всегда фактически) можем знать» [9. С. 19]. Наука – по крайней мере естествознание – преодолевает релятивизм личностей, школ, наций. Познание – это стремление к абсолютному знанию, к истине, остающейся истиной во всех возможных культурах и мирах [10].

В-четвертых, «реализм» здесь – это *опора* на фундирующие принципы некоторых прежних философских традиций. Это может быть и классический трансцендентализм с его установками на определение «всеобщих условий познавательного отношения человека к миру, выявление горизонта универсальных ценностей познания, моделирования субъекта познания как представителя познающего человечества» [11. С. 73].

И «деятельностный реализм», в котором внешний мир схватывается, «берется» через активные действия, а человек постигает окружающее с помощью технически опосредованной деятельности и систем языка [12. С. 47].

Наконец, мы можем встретить и причудливую комбинацию диалектического материализма с неопозитивизмом – «пересказ учения о соотношении абсолютной и относительной истины диалектического материализма и учения о возрастании степени правдоподобности научных теорий К. Поппера» [10. С. 72].

«Конструктивистский рационализм» (или как несколько ругательно он обозначался в первых панельных дискуссиях – «релятивизм») представляет собой специалистов, позиционирующих себя как «прогрессивных», более свободно, широко интерпретирующих рациональность и основные форматные категории научного исследования – в духе новомодных веяний последних двух-трех десятилетий на эпистемологическом Западе. По необходимости обобщенно и упрощенно их позиция может быть представлена в следующих тезисах.

Во-первых, научное знание коррелировано не с «объективным миром», который есть не что иное, как идеологема-абстракция классической рациональности, как и «трансцендентальный субъект». Оно соотносимо с конкретным психологическим и историческим субъектом (научным сообществом). *Субъектность – важнейшее качество научного знания*, заменяющее дискредитированную «объектность». Конечно же, это не банальный индивидуальный субъективизм «феноменалистического антиреализма» в духе Беркли, Юма или же махистов.

Новый субъект, порождающий здесь знание, коллективен и контекстуален, а «фундаментальные параметры живого релятивного познания включают в себя: эмпирические элементы, изменчивость, временность, ценностные предпочтения, культурно-историческую обусловленность» [13. С. 61]. Отвлечение от последних – в пользу «чистого сознания» и абстракции «природы» – неправомерно.

Что же познает культурно-исторический субъект? «Мы познаем не мир как таковой, а нашу деятельность в этом мире» и «не должны приписывать законы или теории науки самой Природе» [14. С. 64, 65].

Собственно, в понимании «субъекта и объекта» и находим главный пункт разногласий. Он же порождает и дальнейшие логические следствия – в отношении к истине и к пониманию характера генезиса научного знания.

Второй тезис «конструктивистов» вытекает из относительности-плюрализма в понимании «субъекта-объекта» познания и касается ревизии места и функций концепта «истины» в научном познании.

Истина – очень условное и малоприспособное для науки понятие. Так, теоретические знания «ложны по определению», представляя собой сильные идеализации, которым мало что соответствует в реальности. Знания – неявные и непосредственные образцы деятельности – также не обладают «презумпцией истины», так как «не имеют какого-то достаточно точного определенного содержания». Сильные идеализации (теории) могут считаться оправданными, если соответствуют неким конкретным практическим условиям, выбираемым интуитивно (неявно) [15. С. 90].

«Истина здесь – довольно-таки мимолетное свойство знания. Им обладает только господствующая на данный момент теория, и то очень непродол-

жительное время: она постоянно пребывает в состоянии ожидания неизбежного опровержения» [16. С. 83].

Что же взамен? К примеру, это – *смысл*, который «нейтрален к истине и лжи ... нивелирует их противоположность и смещает интерес исследователя к границе наука – ненаука, к рождению науки из контекста, а не из прошлого знания, к пространственным отношениям скорее, чем к временным» [17. С. 55].

Или это «идея *правдоподобности*». Поворот к «идее правдоподобности научных теорий вместо понятия "истина" избавит философию науки и историко-научные реконструкции от неоправданных отождествлений и допущений, от идеологических иллюзий и теоретических амбиций, позволив сделать методологическое оснащение историков науки более строгим, корректным и подвластным математическим измерениям. Такого рода подход позволит избавиться от неявного допущения историко-научных реконструкций о том, что история науки – это современная научная теория, опрокинутая в прошлое» [18. С. 67].

Третий тезис, собственно, созвучен самому теоретическому брэнду данной эпистемологической фракции – *научное знание имеет радикально конструкционный характер*, впрочем, как и любое другое.

«Сторонники социального конструктивизма в исследовании научного познания исходят из того, что все теоретические построения не имеют реальных референтов и принятие той или иной теории в любой науке – как естественной, так и социальной – может быть объяснено коммуникативными взаимодействиями между учеными-теоретиками и экспериментаторами... То, что самому ученому кажется изучением некой реальности, на самом деле есть не что иное, как конструирование, создание этой реальности» [9. С. 21, 22]. Вполне понятно, что модальность принятия этого тезиса разными представителями этой группы различна.

Как и в случае с «реалистами», своеобразие взглядов здесь также определяется в зависимости от теоретических пристрастий в отношении кумиров, будь это Дж. Гибсон, Р. Рорти, П. Фейерабенд, М. Полани, Д. Блур или Н. Луман.

Группа «аналитических философов» имеет своим началом переводческую и исследовательскую деятельность выдающихся столичных специалистов по «современной буржуазной философии» еще с советского периода: М.С. Козловой («Философия и язык», 1976); А.Ф. Грязнова («Эволюция философских взглядов Л. Витгенштейна», 1985, «Язык и деятельность. Критический анализ витгенштейнианства», 1991); З.А. Сокулер («Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX в.», 1994) и др.

Конечно, как и следует ожидать, наиболее видные представители отечественной аналитической традиции представлены в обеих столицах. Они уже заняты не только переводами, но и теоретическими исследованиями, которые вполне могут быть охарактеризованы как принадлежащие к аналитической философии: М.В. Лебедев, А.З. Черняк, Д.Б. Волков, А.С. Карпенко, Л.Б. Макеева, Е.Г. Драгалина-Черная и др.

Особенностью аналитической группы является ее выдающаяся сибирская представленность – в Томске и Новосибирске. Большая часть новых

переводов философов-аналитиков, которые появились за последние пятнадцать лет, – результат деятельности томичей В.А. Суровцева и В.А. Ладова (ТГУ). В Новосибирске это – В.В. Целищев, А.В. Бессонов, В.В. Петров, А.Л. Блинов (философский факультет НГУ и Институт философии и права СО РАН) [19].

Именно с «аналитиками» оказалось связанным другое противоречие, появившееся внутри российской эпистемологической коалиции. Оно воспроизводит на нашей почве напряжение между рационализмом западноевропейской традиции последних 40 лет («постпозитивизм», «историческая школа») и его англо-американским аналитическим вариантом.

Обнаружилось это в 2009 г. – на V Российском философском конгрессе в Новосибирске. Здесь состоялась косвенная полемика между московскими эпистемологами и лидерами сибирской группы «аналитической философии» (В.А. Суровцев и В. В. Целищев). Их пленарные доклады на конгрессе – что уже само по себе представляло некую заявку и манифестацию – были посвящены презентации и притязаниям аналитической философии в России.

Рецепция аналитической философии у нас идет с трудом, отмечал один из докладчиков, чему способствуют особенности и мышления нашего (метафоризм, спекулятивность, особые претензии), и наносы традиции идеологии. «В результате АФ прижилась в нашей стране в двух крайних формах: а) сильная школа философской логики с упором на логическую технику; б) методология науки в стиле постпозитивизма» [20].

Зачем это нам нужно – опять что-то перенимать? Автор полагает, что это просто необходимо, особенно учитывая многозначность, метафоричность и велеречивость нашего языка. И как бы мы ни чурались трудно даваемых нам логических формул, требований четкости и ясности в изложении – придется все это осваивать, чтобы не остаться на задворках современных тенденций в развитии мирового философского знания. И вопреки тому, что «у многих отечественных философов стремление оперировать эффектными метафорами, за которыми не стоят отчетливо мыслимые понятия, содержание которых можно проанализировать и представить в виде последовательной системы, перевешивает тягу к здравому смыслу», строгие методы современной рациональной философии все равно придется осваивать» [20].

Резонно, однако, напомнить, что чтение текстов самих аналитиков представляет собой отнюдь не легкое занятие, вопреки провозглашаемым ими принципам точности и ясности. Как и всякое оригинальное направление, они придумали себе язык не менее эзотерический, чем в феноменологии, экзистенциализме или же в постмодернизме. Также они интенсивно переописали традиционный философский словарь – в классические философские значения вкладываются другие, уже свои, смыслы, требуя, чтобы профессиональный жаргон, «простота и логика» именно их направления стали одним и единым образцом для всех философов – если, конечно, они хотят быть рациональными. Причем аналитическая философия охраняет свои дисциплинарные и терминологически-смысловые границы более бдительно, чем это имеет место в большинстве гуманитарных и социальных наук.

Все эти рассуждения пока еще оставались в рамках вполне понимаемого «чувства избранности», которым отличаются любые неофиты, в том числе

и отечественные ревностные последователи аналитизма. Однако прозвучал и явный теоретико-идеологический вызов аналитической фракции прямоком в адрес центральной эпистемологической группы – заявление о своей большей научной аутентичности: «Когда философия вступает на территорию естественнонаучного поиска, мы имеем дело с аналитической философией. В некотором смысле это претензия философии на позитивное знание...», – утверждалось в другом пленарном докладе [21].

Тем более что наши «аналитики» охотно подражают их англо-американским коллегам в отношении континентальной традиции, понимаемой как «ненаучная», «антинаучная». Это выражается в том удовольствии, с каким они подбирают и обильно цитируют уничижительные характеристики для западноевропейской философии со стороны их кумиров (Б. Рассел, Х. Патнэм, С. Хэмпшир и др.): отсутствие точности, ясности, неискренность, тривиальность, «равильная елейность» и т.п. [21]

Вряд ли могла понравиться и констатация того, что «большинство "толстых" философских журналов в мире, если не считать узкоспециализированных, сознательно ориентированы на аналитическую философию, а значительная часть философов являются приверженцами аналитической философии, а не сторонниками континентальной, русской или какой-то другой национальной философии» [21].

Подобные суждения, в которых присутствовали вполне недвусмысленные намеки на отсталость и провинциализм, были восприняты с явной неприязнью консервативно настроенными философскими массами на конгрессе, пребывающими в прекраснотушних маниловских мечтаниях об особо духовной природе отечественной философии.

И довольно ревниво – со стороны традиционалистски мыслящих эпистемологов, что представляется странным, ибо сибирские аналитики показали себя в представленных текстах пленарных докладов более консервативными рационалистами, чем московские «реалисты». Однако, видимо, есть другая логика – логика коммуникации и влияния. Пока аналитики были «младшим партнером», их терпели. Но вот оформляется претензия на более последовательный сциентизм и научную аутентичность (лучший логический техницизм и тематическую конкретность) – и тотчас следует резкая отповедь. «Можно утверждать, что аналитическая философия как исследовательская программа оказалась неосуществимой... Элиминация метафизики не состоялась ... вся аналитическая философия сегодня во многом выродилась» [22]. Единственно приемлемый «символ веры» или идеал – «междисциплинарное исследование познания» – анализ науки в ее эпистемологических, метафизических, этических измерениях.

Однако последователи аналитической философии имеют хороший методологический иммунитет, не менее, чем у эпистемологов, развитое чувство собственной научно-философской избранности, тесные коммуникации внутри общероссийской группы и фракционную самодостаточность. В 2012 г. в Санкт-Петербурге они смогли провести «первое всероссийское научное мероприятие по аналитической философии в целом» [23. С. 234], которое, с точки зрения их лидеров, оказалось несколько неудовлетворительным с точки зрения идеалов (мелкотемье и техницизм) – носило чересчур «метафило-

софский» характер, ощущался «недостаток результатов работы над конкретными проблемами» [23. С. 234].

И последние вести. Недавно, эпистемологическая группа Института философии РАН, позиционируя себя в виде репрезентантов «российских логиков, методологов, историков и философов науки» предприняла следующий шаг на пути своей институционализации. Она учредила – на Всероссийской конференции «Философия науки и техники в России: концепция и дисциплина» 25–26 марта 2016 года – «Русское общество истории и философии науки». Конференция (85 человек) объявила себя первоначальным корпусом общества, приняла за основу проект устава, выбрала совет и президента. В совет общества избраны В.И. Аршинов, В.А. Бажанов, Д.А. Баюк, И.Н. Грифцова, В.Г. Кузнецов, Т.Г. Лешкевич, В.И. Маркин, И.Д. Невважай, А.А. Печенкин, В.Н. Порус, Б.И. Пружинин, А.В. Родин, И.Е. Сироткина, В.В. Целищев. Совет избрал президентом общества И.Т. Касавина.

В наблюдательный совет согласились войти также иерархи: академик РАН В.А. Лекторский (председатель), член-корреспондент РАН В.В. Миرونнов, член-корреспондент РАН Г.А. Тосунян, член-корреспондент РАН Б.Г. Юдин [24].

Судя по составу совета общества, радикальные консерваторы в него не попали, хотя и включены умеренные традиционалисты. Можно сказать также, что нет здесь и радикалов плюрализма, приглашен и представитель аналитического направления. Вероятно, это должно обеспечить достижение компромисса, поддержание некоторого необходимого баланса и предотвращение внутрифракционных расколов.

Итак, лучше всех перенесла годы лихолетья, дезориентации и прогрессирующей утраты статуса эпистемологическая группа, которая волею судеб оказалась наиболее подготовленной к вызовам деидеологизации, плюрализации, вторжения в духовную жизнь и преподавание рыночных отношений. Речь идет о наборе предпосылок, которые и оказались решающими для выживания, консолидации и сегодняшнего ее доминирования:

- концентрация сторонников в институционально наиболее влиятельном учреждении российской философии (ИФ РАН), создание здесь консолидирующих образований (семинар, журнал, общество), сильные позиции в руководстве институции;

- создание широкой клиентской сети сторонников в крупных провинциальных центрах (Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Новосибирск, Томск) – благодаря патронированию со стороны ключевых фигур ИФ РАН;

- формирование сциентистской идеологии экспансионистского характера: эпистемология и философия науки – новая содержательная мировоззренческая альтернатива, объединяющая платформа не только для современной российской философии (она – «жесткое ядро междисциплинарного взаимодействия всех социально-гуманитарных дисциплин» [25. С. 6].

Пожалуй, у этой группы отечественных философов сегодня наиболее уверенные перспективы для дальнейшего развития, учитывая ее ключевое институциональное положение в отечественном философском сообществе, представленность в важнейших научных и образовательных учреждениях в основных мегаполисах России, цеховую сплоченность.

Литература

1. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1281 с.
2. Розов Н.С. Русская философия в поворотах истории: фатальна ли периферийность? // Философия и общество. 2016. № 3. С. 96–115.
3. Бажанов В.А. Связь поколений // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. № 1, Т. I. М.: Канон+, 2004. Т. II, № 2. С. 63–64.
4. Касавин И. Т. Журнал «Эпистемология и философия науки»: контуры замысла // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам.. М.: Канон+, 2004. № 1, т.1. С. 5–14.
5. Касавин И. Т. Зона ответственности за судьбу философии // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II, № 2. С. 90–95.
6. Дубровский Д.И. К проблеме релятивизма // Эпистемология и философия науки. Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. М.: Канон+, 2004. № 1, т. I. С. 81–83.
7. Пружинин Б.И. Я все еще надеюсь // Эпистемология и философия науки. Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2004. Т. II, № 2. С. 65–69.
8. Никифоров А.Л. Анализ понятия «знание»: подходы и проблемы // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2009. № 3. С. 61–74.
9. Лекторский В.А. Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2015. № 1, № XLIII. С. 19–26.
10. Никифоров А.Л. Необходимость абсолютного // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. М.: Канон+, 2004. № 1, т.1. С. 70–72.
11. Порус В.Н. Гносеология в ретроспективе и перспективе // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. II, № 2. С. 70–75.
12. Лекторский В.А. Ответ на дискуссию // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2015. № 1, № XLIII. С. 47–53.
13. Микешина Л. А. Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. М.: Канон+, 2004. № 1, т. 1. С.53–63.
14. Розов М.А. Об относительности знаний к культуре // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2004. Т. I, № 1. С. 64–66.
15. Розов М.А. Несколько слов об истине // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2008. Т. XVI, № 2. С. 88–90
16. Маркова Л.А. Об особенностях современной полемики, о понятии истины, об уступках и компромиссах // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2008. Т. XVI, № 2. С.80–83.
17. Маркова Л.А. Смысл как альтернатива истине // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2009. № 4. С. 48–57.
18. Огурцов А.П. Альтернатива истине: смысл или правдоподобие? // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2009. № 4. С. 63–67.
19. Иванов Д.В. Рецепция аналитической философии в России // Философия науки и техники. 2015. Т. 20, № 2. С. 106–117
20. Суровцев В. А. Аналитическая философия: всеобщее и нюанс // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 23–30. Сайт журнала «Вопросы философии». Все публикации на сайте. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=185&Itemid=52 (дата обращения 27.10.2106).

21. Целищев В. В. Аналитическая философия и сайентизм // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 11–17. Сайт журнала «Вопросы философии». Все публикации на сайте. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=183&Itemid=52 (дата обращения 27.10.2016).

22. Лекторский В. А. Философия, общество знания и перспективы человека // Вопросы философии. 2010. № 8. С.30–35. Сайт журнала «Вопросы философии». Все публикации на сайте. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=186&Itemid=52 (дата обращения 27.10.2016).

23. Тискин Д.Б. Аналитическая философия в России: настоящее и будущее. Всероссийская конференция с международным участием «Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России». Санкт-Петербург, 29–31 мая 2012 // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. 2012. Т. XXXIII, № 3. С. 230–234.

24. Институт философии РАН. URL: http://iphras.ru/25_03_2016.htm (дата обращения: 26.09.2016).

25. Касавин И.Т., Порус В.Н. Философия науки в России: от интеллектуальной истории к современной институционализации // Эпистемология и философия науки: Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам, 2016. Т. XLVIII, № 2. С. 6–17.

Krasikov Vladimir I. All-Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation)

E-mail: KrasVladIv@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/38/31

THE DOMINANT GROUP IN CONTEMPORARY RUSSIAN PHILOSOPHICAL COMMUNITY

Key words: epistemologists, philosophers of science, analytical philosophers, realists, constructivists, rationality, truth, relativism, the subject of knowledge, the object of knowledge

The object of study of this article is the Russian philosophical community in the post-Soviet period, the basic ideological and institutional its transformation, meaningful characteristics and internal differentiation. The subject of the study is the genesis, the main milestones of formation of groups of scientific and epistemological orientation in Russia at the beginning of the XXI century, the identification of conceptual positions through the analysis of the main discussions in the leading philosophical journals. The author examines in detail aspects such topics as historical and philosophical foundations of these new emerging traditions, their representation in the academic and educational institutions, especially the theoretical platform of their leaders. The research methodology is based on an approach under which the network structure determines the relationship between intellectuals universally valid intellectual attention space, which is structured into several competing positions. The author believes that this group of domestic philosophers has the most confident prospects for further development, given its key position in the domestic institutional philosophical community, represented in the most important scientific and educational institutions in the major metropolitan areas of Russia and guild cohesion. The main results of the study are:

- Description of the history, theoretical characteristics, composition and institutional representation of the two intellectual groups in post-Soviet Russia: epistemology and the philosophy of science, analytical philosophy;

- Description of the theoretical data platforms leaders of communities;

- Description of the lines of the communication of these groups with other similar.

References

1. Collins, R. (2002) *Sotsiologiya filosofiy. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of Philosophy. Global theory of intellectual change]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.

2. Rozov, N.S. (2016) *Russkaya filosofiya v povorotakh istorii: fatal'na li periferiynost'* [Russian philosophy in the turning points of history: Is peripheralism fatal?]. *Filosofiya i obshchestvo – Philosophy and Society*. 3. pp. 96–115.

3. Bazhanov, V.A. (2004) *Svyaz' pokoleniy* [Communication of generations]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 1(1). pp. 63–64.

4. Kasavin, I.T. (2004a) Zhurnal "Epistemologiya i filosofiya nauki": kontury zamysla [Journal "Epistemology and Philosophy of Science": Contours of the plan]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 1(1). pp. 5–14.
5. Kasavin, I.T. (2004b) Zona otvetstvennosti za sud'bu filosofii [Zone of responsibility for the fate of philosophy]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 2(2). pp. 90–95.
6. Dubrovskiy, D.I. (2004) K probleme relyativizma [To the problem of relativism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 1(1). pp. 81–83.
7. Pruzhinin, B.I. (2004) Ya vse eshche nadeyus' [I still hope]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 2(2). pp. 65–69.
8. Nikiforov, A.L. (2009) Analiz ponyatiya "znanie": podkhody i problemy [Analysis of the concept of "knowledge": Approaches and problems]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 3. pp. 61–74.
9. Lektorskiy, V.A. (2015) Konstruktivizm vs realizm [Constructivism vs realism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 1(XLIII). pp. 19–26.
10. Nikiforov, A.L. (2004) Neobkhodimost' absolyutnogo [Necessity of the absolute]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 1(1). pp. 70–72.
11. Porus, V.N. (2004) Gnoseologiya v retrospektive i perspektive [Gnoseology in retrospect and perspective]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 2(2). pp. 70–75.
12. Lektorskiy, V.A. (2015) Otvet na diskussiyu [Reply to the discussion]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 1(XLIII). pp. 47–53.
13. Mikhshina, L.A. (2004) Relyativizm kak epistemologicheskaya problema [Relativism as an epistemological problem]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 1(1). pp. 53–63.
14. Rozov, M.A. (2004) Ob otnositel'nosti znaniy k kul'ture [On the relativity of knowledge to culture]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 1(1). pp. 64–66.
15. Rozov, M.A. (2008) Neskol'ko slov ob istine [A few words about the truth]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 2(16). pp. 88–90.
16. Markova, L.A. (2008) Ob osobennostyakh sovremennoy polemiki, o ponyatii istiny, ob ustupkakh i kompromissakh [On the peculiarities of modern polemics, on the notion of truth, about concessions and compromises]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 2(16). pp. 80–83.
17. Markova, L.A. (2009) Smysl kak al'ternativa istine [Meaning as an alternative to truth]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 4. pp. 48–57.
18. Ogurtsov, A.P. (2009) Al'ternativa istine: smysl ili pravdopodobie? [An alternative to truth: meaning or credibility?]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 4. pp. 63–67.
19. Ivanov, D.V. (2015) Reception of Analytical Philosophy in Russia. *Filosofiya nauki i tekhniki – Philosophy of Science and Technology*. 20(2). pp. 106–117. (In Russian).
20. Surovtsev, V.A. (2010) Analiticheskaya filosofiya: vseobshchee i nyuans [Analytical philosophy: General and Nuance]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 23–30. [Online] Available from: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=185&Itemid=52. (Accessed: 27th October 2016).
21. Tselishchev, V. V. (2010) Analiticheskaya filosofiya i sayentizm [Analytical philosophy and scientism]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 11–17. [Online] Available from: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=183&Itemid=52. (Accessed: 27th October 2016).
22. Lektorskiy, V.A. (2010) Filosofiya, obshchestvo znaniya i perspektivy cheloveka [Philosophy, society of knowledge and human perspectives]. *Voprosy filosofii*. 8. pp. 30–35. [Online] Available from: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=186&Itemid=52. (Accessed: 27th October 2016).
23. Tiskin, D.B. (2012) Analiticheskaya filosofiya v Rossii: nastoyashchee i budushchee [Analytical philosophy in Russia: the present and the future]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 23(3). pp. 230–234.
24. Institute of Philosophy RAS. (2016) *Filosofiya nauki i tekhniki v Rossii: kontseptsiya i distsiplina* [Philosophy of Science and Technology in Russia: Concept and Discipline]. All-Russian Conference. March 25–26, 2016. [Online] Available from: http://iphiras.ru/25_03_2016.htm. (Accessed: 26th September 2016).
25. Kasavin, I.T., & Porus, V.N. (2016) Filosofiya nauki v Rossii: ot intellektual'noy istorii k sovremennoy institutsializatsii [The philosophy of science in Russia: From intellectual history to modern institutionalization]. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 2(48). pp. 6–17.

